
ДИАЛЕКТИКА, ИСТОРИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС И МЕТОДОЛОГИЯ ИЗУЧЕНИЯ СОСТОЯНИЙ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Л. Е. ГРИНИН

РЕВОЛЮЦИИ И ИСТОРИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС*

В статье проведен анализ роли революций в историческом процессе. Показано, почему революции стали неизбежными в Новое время, какова их роль в развитии обществ, почему последнее пришло в несоответствие со сложившимися политическими и социальными институтами. С одной стороны, революции рассматриваются как закономерность определенного этапа развития общества, а с другой – проанализировано, как и почему роль революций существенно меняется в разные периоды истории, дано объяснение, почему революции из «локомотивов развития» в итоге оказались очень затратным и малопродуктивным социальным экспериментом. Сделана попытка развить некоторые аспекты теории революции (революционная ситуация, роль идеологии и психологии общества в определенные моменты и др.).

Ключевые слова: революция, социалистическая революция, мировой порядок, баланс сил, геополитика, ядерная гонка, антиколониальное движение, третий мир, социализм, капитализм, новые принципы международных отношений, право наций на самоопределение.

The article presents the analysis of the role of revolutions in historical process. It is shown why the revolutions were inevitable in the Modern era and what is their role in societal development as well as why the latter started to mismatch the existing political and social institutions. On the one hand, revolutions are considered as common phenomena for a certain stage of society's

* Исследование выполнено при поддержке РФФИ (проект № 17-06-00464).

development, and on the other hand, the author analyses why and how the role of revolutions considerably changes in different periods of history as well as explains why revolutions from a driving force finally become an expensive and not productive social experiment. He also makes an attempt to elaborate some aspects of the theory of revolution (a revolutionary situation, role of society's ideology and psychology over certain periods etc.).

Keywords: *revolution, socialist revolution, world order, balance of power, geopolitics, nuclear arms race, anticolonial movement, the Third world, socialism, capitalist, new principles in international relations, the nations' rights to self-determination.*

1. Введение. Революции как повторяющиеся явления

В год столетнего юбилея Русской революции 1917 г. вполне оправданно обратиться к теме роли революций в историческом процессе, тем более что роль революций существенно меняется в разные периоды истории.

Нельзя также не отметить, что хотя революции – весьма опасный и очень затратный способ реформирования общества, в современном мире они отнюдь не стали архаическим явлением.

Оценки значения революции всегда зависели во многом от партийной позиции и часто были полярными. Республиканцы, социалисты и другие радикально настроенные политики и исследователи считали революции не только неизбежными, но и крайне желательными событиями. Те, кто рассматривал революции как катастрофы, нередко считали их случайным совпадением событий. Анализ исторического процесса показывает, что революции и – шире – возникновение революционных настроений – это явление, которое переживали и время от времени переживают многие общества. Поэтому вполне очевидной выглядит идея, что в известной мере это закономерность определенного этапа развития общества, хотя считать их абсолютно неизбежными будет неверно.

Хотя в возникновении революций можно проследить определенную закономерность, важно понимать, что, как и другие крупные исторические события (войны, экономические кризисы), каждая революция уникальна, неповторима, каждая при рассмотрении ее в отдельности демонстрирует значительный субъективный фактор, череду особых обстоятельств, сцепление событий, которые,

сложись по-другому, могли бы и не привести к революции. Для российских революций это прослеживается исключительно ярко.

Если рассматривать революции как повторяющееся явление в историческом процессе разных обществ, нельзя не заметить несомненных сходств, которые в той или иной мере давно отмечаются исследователями. Однако приемлемой теории революции, как ни странно, все еще не создано, несмотря на то, что сменилось по крайней мере пять поколений исследователей революции [см.: Голдстоун 2015; Гринин и др. 2016: 4–23).

Если бегло суммировать, то можно увидеть, что общие черты революций и возможность их возникновения в обществе, как правило, связаны, во-первых, с достижением обществами определенного уровня развития и появлением в них определенных явлений, феноменов и отношений; во-вторых, с особенностями социально-политического строя обществ; в третьих, с возникновением в некоторый момент кризисной ситуации особого рода.

Что касается **первого пункта**, то есть ряда объективных факторов, свидетельствующих о достижении обществом нужного уровня развития, то стоит указать:

1) на тесную связь революции и модернизации, иными словами, революции можно рассматривать как результат быстрых и резких перемен в процессе развития;

2) быстрые демографические изменения, тесно связанные с модернизацией, создающие дополнительные условия для возникновения революции, в том числе нужно упомянуть повышенную долю лиц молодежного возраста в составе населения;

3) процесс урбанизации и, как следствие, рост численности и образованности городских слоев, создающие социальную базу для революции¹;

4) появление новой идеологии (идеологий), которая способна объединить недовольных.

Что касается **второго пункта**, то революции часто случаются в обществах, чья политическая структура достаточно архаична (либо имеет сильные черты архаичности), то есть не модернизировалась в достаточной мере. Очень часто революции представляют собой

¹ Подробнее по поводу этих трех пунктов см.: Гринин 2013; Гринин 2017б. О четвертом пункте см. в следующих параграфах.

либо удачные, либо неудачные попытки добиться демократизации общества (понятно, что такое стремление тоже возникает на определенном этапе развития)². Иногда на этом пути случается несколько революций. В так называемых консолидированных демократиях революции обычно не происходят, так как там используются иные способы решения общественных противоречий.

Относительно **третьего пункта** можно однозначно сказать, что революции – это результат (хотя и необязательный) складывания кризисной ситуации в результате каких-то особых обстоятельств. Все это может создать специфическую революционную ситуацию, о которой мы подробнее поговорим в следующем параграфе.

В настоящей статье мы, естественно, сможем рассмотреть только некоторые из указанных явлений, другие были подробнее рассмотрены нами в других работах³.

2. Кое-что о теории революции

Таким образом, революция есть результат достаточно быстрого предшествующего развития, что приводит к значительным изменениям в обществах, сознание которых еще не в состоянии приспособиться к изменениям.

Но объективных условий для революции явно недостаточно. Стало достаточно общим местом, что революции могут возникнуть в условиях кризисной ситуации, которая при определенных условиях перерастает в революционную ситуацию, о которой мы и поговорим подробнее.

С одной стороны, нет единой позиции по поводу признаков революционной ситуации, с другой – позиции исследователей здесь существенно совпадают. Но, на наш взгляд, необходимо в теории разделять: а) общие условия для возникновения революционной ситуации; б) возникновение кризиса, способного привести к революционной ситуации, включая изменение социального настроения и расклада социальных сил; в) непосредственную революционную

² По крайней мере, так было до 1945 г. Хотя потом социалистические революции и не отрицали важности демократии, но основные их цели были иными. Сказанное также может не относиться к чисто националистическим революциям, целью которых было обретение независимости.

³ Помимо уже указанных см. также: Гринин, Коротаев 2016.

ситуацию, в которой уже совмещаются объективные, субъективные и чисто случайные «ингредиенты» в особой комбинации.

Условия для возникновения революционной ситуации. Противоречия в обществе далеко не всегда ведут к революциям и даже революционным ситуациям. Но без глубоких общественных противоречий последние возникнуть не могут. Отсюда предпосылками для возникновения революционной ситуации могут быть:

1) *Разделенность общества.* Иными словами, жесткие противоречия, социальные, национальные или классовые; психологическая ситуация противостояния «мы – они»; история противостояния и т. д. Исследователи (в рамках теорий третьего поколения, по Дж. Голдстоуну) также отмечали негибкость поведения правящей элиты как фактор, в итоге ведущий к революционной дестабилизации.

2) *Противоречия в лагере элиты.* Именно среди части элиты и возникает обычно новая идеология. Также со стороны определенных слоев или представителей элиты требуются какие-либо симпатии возможной революции, борьбе с правительством, радикальным изменениям и т. п. Такое сочувствие революционерам легко проследить в истории русских революций в конце XIX и особенно в начале XX в., когда профессура, высшая интеллигенция и даже представители крупной буржуазии так или иначе помогали революционерам, выступая, по сути, в оппозиции правительству.

3) *Достаточное распространение альтернативной идеологии и готовность хотя бы части общества к серьезным изменениям.* При этом обычно появляются альтернативные духовные лидеры, усиливается поиск «правды» и «истины», активно циркулируют негативные для правительства идеи и слухи, усиливаются позиции прессы (СМИ) и других форм общественного выражения, немилосердно критикующих правительство и т. п.

4) *Одновременное постепенное падение авторитета власти (по крайней мере, отсутствие сакрального отношения к ней) и относительная либеральность режима.* Если власти удастся создать достаточно эффективный карательный режим, революции трудно произойти (это иногда бывает возможным только с поддержкой извне, как недавно случилось в Ливии). Таким образом, режим должен терять авторитет и быть недостаточно репрессив-

ным, оглядываться на проведение репрессий, миловать или выпускать за границу оппозиционеров и т. п. Все это способствует легальному и нелегальному движению против власти, свободе критики со стороны СМИ и публицистов, которые постепенно усиливаются.

Такая ситуация может длиться довольно долго, поскольку многое зависит от экономической, внешне- и внутривластной ситуации, роли личности во главе страны. Длительность ситуации разделенности также может зависеть от того, первая это революция в стране или нет (поляризация в результате потерпевшей поражение революции может усилиться).

Общая революционная ситуация. Революционную ситуацию можно разделить на общую и непосредственную. Без первой вторая не сформируется. Без второй революция не произойдет. Но и при ее наличии революция может не случиться, для последней нужен некий триггер (каковым часто выступает случайное событие).

Как уже сказано, революции – это обычно итог формирования кризисной ситуации в результате проигранной войны, перенапряжения финансов, ухудшения материального положения части или всего населения, превышения меры несправедливостей и т. п.

Таким образом, *первым условием для возникновения общей революционной ситуации является появление кризисной ситуации, от решения которой может зависеть судьба правительства, режима.*

Понятно, что неспособность власти решить эти проблемы в условиях, когда все от нее зависит, могут вызвать постоянное негативное отношение к правительству, а в определенный момент – и взрыв.

Второе условие. *Неспособность власти к адекватным или решительным действиям и сильное, ниже допустимого, падение ее авторитета.* Это усиливает лагерь сторонников изменений (революции)⁴. Данный момент отмечается аналитиками. С. Хантингтон (2004: 278) говорит об «утрате прежней элитой воли к власти и способности управлять». В. И. Ленин, как известно, определял

⁴ Дополнительно добавим, что если при этом потерявшая авторитет власть не вовремя проявляет слабость или уступчивость, это ведет к нарастанию требований со стороны выступающих против нее.

это как ситуацию, когда «верхи не могут управлять по-старому» (Ленин 1981 [1920]: 69). Но отметим, что перед Февральской революцией именно описанной Лениным ситуации не было вплоть до начала переворота. А вот неадекватность действий, уменьшение способности управлять эффективно наблюдались (хотя бы в виде странной смены премьеров и министров).

Третье условие. *Ослабление элиты и ее сплоченности и значимое изменение расклада социально-политических сил в обществе.*

Должен сформироваться достаточно сильный лагерь сторонников революции и сочувствующих ей, а также очень обширный слой недовольных властью по той или иной причине. Это в будущем создает широкий фронт тех, кто не сопротивляется революции, точнее не сопротивляется падению режима (нередко понимание приходит уже в результате действий революционного режима, тогда и раскол общества углубляется⁵).

Одновременно должна сократиться численность лагеря поддерживающих режим и власть. При этом усиление кризиса ведет к дальнейшему усилению первого лагеря и ослаблению второго. Это может выглядеть не так заметно, но постоянно идет подспудная и неформальная перегруппировка сил в обществе, которая в итоге может проявиться внезапно, и тогда революция предстает как неожиданность. Однако если элита сплочена, то свергнуть режим весьма сложно.

Четвертое условие. *Рост недовольства населения выше допустимого.* Ленин говорил об обострении нужды и бедствий масс сверх обычного как обязательном условии. Это достаточно частое явление, но не универсальное, рост недовольства выше допустимого может быть вызван и иными причинами. В частности, накануне Евромайдана в конце 2013 г. на Украине ни о каком обострении нужды и бедствий украинцев и речи не было⁶.

⁵ В феврале 1917 г. высший генералитет России по факту поддержал отречение царя, надеясь, что начавшаяся революция усилит настрой на продолжение войны в стране (во всяком случае, такое объяснение давал адмирал А. В. Колчак, что зафиксировано в протоколах его допросов). И осознание ошибки произошло только некоторое время спустя, когда вместо политики оборончества победили настроения пораженчества и немедленного заключения мира.

⁶ Дж. Голдстоун пишет: «Революции не возникают из-за растущего недовольства нищетою, неравенством и других подобных явлений. Революция – сложный процесс, который

Непосредственная революционная ситуация возникает уже либо как предшествующая революции, либо как разрешающаяся в ее пользу. Но иногда непосредственная революционная ситуация сливается с началом революции, а порой она достаточно явно прослеживается. Так, по сути, первые дни Февральской революции 1917 г. отражали волнения людей, недовольных перебоями со снабжением хлебом; только потом они перерастают в революцию. Здесь непосредственная революционная ситуация перерастает в революцию почти незаметно. События украинского Евромайдана, напротив, достаточно хорошо делятся на непосредственную революционную ситуацию противостояния активистов и власти и затем уже начало восстания. Соответственно, лозунги при переходе от одной фазы к другой меняются.

Непосредственная революционная ситуация по природе своей бифуркационна. Она может перерасти или не перерасти в революцию в зависимости от множества в принципе не столь важных факторов и моментов, от случайностей и совпадений. Именно здесь мы наблюдаем неповторимую комбинацию случайностей, бывающих удачными или неудачными, роковыми или решающими для революционеров и власти. То, что дочери Николая II и Александры Федоровны болели корью именно в дни начала февральских событий 1917 г., естественно, было сугубой случайностью, которая, однако, сильно отвлекла царицу от ситуации за пределами дворца. В другое время, возможно, она придала бы ей большее значение и уделила событиям больше внимания. Отметим также в защиту всех властей в разных странах, которые «проморгали» в свое время начало революции, что реально отличить формирование непосредственной революционной ситуации от обычных протестов весьма непросто. Нередко бывает, что демонстрации, другие формы противостояния

неожиданно возникает из общественного строя, приходящего в упадок сразу во многих сферах» (Голдстоун 2015: 30). С этим одновременно можно и нельзя согласиться. Верно, что революция – очень сложный процесс, который случается из-за кризиса общественного строя, но, во-первых, нельзя согласиться, что строй обязательно приходит в упадок сразу во многих сферах. Строй может быть даже на подъеме, но недовольство его пороками, слабостью правительства, его ошибками, «бездарностью» и т. п. способно вызвать резкие протесты. Само по себе недовольство широких слоев чем-либо в обществе не может вызвать революцию, но, как уже сказано, чем шире недовольство теми или иными порядками, институтами, обстоятельствами и т. п., тем больше вероятность революции, если ситуацию иным образом изменить невозможно.

следуют одна за другой без катастрофических последствий для власти, а потом одно такое событие становится началом взрыва и катастрофы для режима. Дж. Голдстоун говорит о складывании неустойчивого равновесия, которое может проявиться далеко не сразу, и предсказать точную дату революции так же сложно, как и точную дату землетрясения (Голдстоун 2015: 30).

Признаками непосредственной революционной ситуации являются:

1. *Концентрация накопленного недовольства (его локализация) в определенном месте*⁷.

Самоощущение социальных слоев и групп – это важнейшая точка в плане анализа революций, так как революции – это всегда *материализация недовольства*, достигшего уровня, превышающего допустимый; это также концентрация недовольства в определенном месте и времени; сама возможность такой материализации и концентрации, а равно канализации ее под чьим-либо руководством, и определяет возможность перерастания кризиса в революцию.

Но для формирования непосредственной революционной ситуации, то есть накопления «горючего материала» в обществе в большом количестве, нужно, чтобы «из искры возгорелось пламя». Иными словами, нужна эта самая «искра», *триггер, то есть повод, причина, случай, который зажигает недовольство*. При накоплении недовольства неудивительно, что им может стать почти любое событие. Но тем не менее такой триггер не всегда появляется в нужное время и в нужном месте. Вот почему революционеры нередко прибегают к провокациям, чтобы создать повод для протестов.

2. *Появление повода, который вызывает резкую активизацию протестных настроений* (в определенных формах демонстраций, забастовок, массовых беспорядков и т. п.).

3. *Неспособность власти адекватно отреагировать на активизацию протестов и окончательное отпадение от нее сторонников*.

⁷ С. Хантингтон (2004) выделяет два типа революции по месту начала и дальнейшего распространения революционных событий (центральный коллапс и наступление с периферии). Последний тип реализовался, например, во время Кубинской революции, когда братья Кастро с небольшим отрядом высадились 2 декабря 1956 г. с яхты «Гранма» в провинции Орьенте, а революция победила в январе 1959 г. Вышесказанное о складывании нужной ситуации в определенном месте относится к обоим типам начала революции.

Иными словами, непосредственная революционная ситуация связана с рядом ситуативных моментов, и от того, насколько совпадут все компоненты, насколько случай будет благоприятен для оппозиционеров и протестующих и т. п., зависит, сложится ли вообще такая непосредственная революционная ситуация, а также перерастет ли она в революцию.

Понятно, что многое зависит от сил сторон, действий руководителей, позиции силовых структур и т. п.

Что касается возможности перерастания непосредственной революционной ситуации в революцию и далее победы последней, то здесь следует обратить внимание на несколько моментов.

1) Позиция элиты или (преимущественно) ее части.

«Революция может начаться только тогда, когда значительные слои элит, и особенно среди военных, переходят на сторону восставших или не вмешиваются в происходящее», – справедливо замечает Дж. Голдстоун (2015: 24). Однако стоит уточнить, что революции вполне могут начаться без поддержки или нейтралитета элит, но вот победить они без этого могут в редких случаях. По этой же причине нельзя согласиться с Голдстоуном, что «в большинстве случаев именно элиты мобилизуют население и помогают ему свергнуть режим» (Там же). Вряд ли так происходит в большинстве революций, например в феврале 1917 г. такого руководства явно не было⁸. Скорее следует говорить о контрэлитах и отверженных (незадействованных) режимом, то есть о некоторой части общества, которая чувствует себя несправедливо оттесненной от определенных позиций.

2) Роль армии. В рамках четвертого поколения теорий революции особое внимание стало уделяться роли силовых структур и факторам, обуславливающим их переход на сторону восставших.

3) Поддержка революции извне.

3. Место и роль революций в историческом процессе

Революции как способ изменения общества. Революции сопровождают политическую историю на протяжении многих тысячелетий. История некоторых регионов, например эллинистических

⁸ Но, например, в революции 2014 г. на Украине именно так и было, когда так называемые олигархи «раскачивали» режим.

государств и Древнего Рима, а равно и многих государств Востока, может быть описана в революционном аспекте как борьба социальных и политических групп за распределение ресурсов и власти (см., например: Сорокин 1992; 1994; Нефедов 2007). Но одной из ведущих движущих сил исторического процесса революции стали только с периода новой истории (см.: Гринин 1997; Семенов и др. 2007; Травин, Маргания 2004; Голдстоун 2015).

Революции становятся одним из способов изменения общества, его политического и социального строя. Любой строй до сравнительно недавнего времени (то есть до создания механизма глубоких реформ и получения обратной связи от разных слоев общества мирными и легальными средствами) менялся либо военной силой, либо жесткой диктатурой (монарха) под угрозой применения силы.

Главное отличие политических кризисов и политических выступлений против власти, которые характеризуют Новое время, по сравнению с восстаниями в позднеаграрных сословных обществах заключается в следующем: имеется стремление превратить выступление в общенациональное, придать ему ярко выраженный идеологический характер и – особенно наглядное отличие – изменить существующий строй, создав новый общенациональный орган власти⁹. При этом ядром, первичной силой такого движения выступают высшие городские слои, включая, конечно, контрэлиту и часть элиты, отстраненной от власти. Но все эти слои спланирует новая идеология (о ней мы еще скажем далее).

Таким образом, подобно тому как производительные силы в Новое время обретают способность к постоянному развитию, и революции из средства борьбы за власть в обществах особого типа (какими были прежде всего полисы, городские республики и т. п.) перерастают в мощное орудие прогресса (хотя и довольно разрушительное) уже в большинстве обществ.

Революции на несколько веков стали не просто широко распространенным социально-политическим явлением, но и важным инструментом развития, поиска нового. В итоге революциями «переболели» очень многие страны, некоторые раньше России, а некото-

⁹ Этим революции отличаются, в частности, от идеологизированных массовых народных движений в Китае в Средние века и Новое время. Но стоит отметить, что идеологизированные движения могут возникать только в относительно грамотных обществах, каковым был Китай.

рые – намного позже. И сегодня они далеко не вышли из арсенала решения социально-политических проблем¹⁰.

Революции также стали социальными лабораториями огромного масштаба для проверки правильности тех или иных теорий и идей. Естественно, что цена таких экспериментов была очень велика, но с точки зрения будущего прогресса она давала возможность найти наиболее устойчивые формы и варианты институтов общества. Одновременно выявилось, насколько далеки идеологии от практики. Отсюда появляется и укрепляется (особенно в «переболевших» революциями обществах) новый инструмент развития – сознательное реформирование, которое позволяло при удаче снимать социальное напряжение, но главное – открывало перспективы развития общества на десятилетия. Реформы также стоили немало, но их цена обычно была существенно ниже революционной. Вот почему революции сегодня уже трудно рассматривать со знаком плюс – их цена и особенно опасность направить общество по неверному курсу (как это случилось в октябре 1917 г. в России или в 1979 г. в Иране) во многих случаях начинает значительно превышать возможный прогресс. Иными словами, того же самого (в смысле роста качества жизни и модернизации общества) в итоге можно добиться в спокойном темпе, пусть и ценой сохранения аморального режима, не потрясая общество¹¹. Собственно, это заметил уже А. де Токвиль в середине XIX в., исследуя «старый», то есть дореволюционный (до 1789 г.), порядок во Франции. «Внезапно, болезненным резким усилием, без перехода, без предосторожностей и без пощады Революция завершила дело, которое мало-помалу завершилось само собой», – делал он вывод (Токвиль 1997: гл. V). Но если Французская революция конца XVIII в. при всей своей огромной цене (включая и миллион жизней, унесенных Наполеоновскими войнами), несомненно, была значимым толчком к изменениям не только во Франции, но также в Европе и в мире в целом, то сегодняшние революции, хотя они и вызывают международные кризи-

¹⁰ Есть более счастливые общества, которым удалось избежать революций, но среди исторических наций их не так уж много, а среди крупных держав – и подавно.

¹¹ Насмешливая строка В. В. Маяковского из поэмы «Хорошо»: «Постепенно, понемногу, по вершочку, по шажку, сегодня, завтра, через двадцать лет» – на самом деле бьет по революционерам. Последние хотят все сделать быстро и сейчас, но порой вовлекают свои страны в длительную и тяжелую полосу. И когда сравниваешь, чего можно было бы достичь через 20 или даже 50 лет, понимаешь, что мирный путь был бы намного эффективнее.

сы, толчком к прогрессу считать нельзя (ярким примером чего являются Украина, Египет, Тунис). А часто это определенный цикл кризиса, после чего все возвращается к прежней ситуации. Кроме того, шанс на успех революции (опять же в смысле улучшения жизни и особенно искоренения тех язв, которые ее и вызывают) не только не стопроцентен, но и порой невелик. А вероятность, что все вернется на круги своя, повторим, высока.

О великих революциях. Великие революции действуют согласно строкам «весь мир насилия мы разрушим до основания», а затем могут быть разные варианты. Поэтому мы наблюдаем сначала мощный рывок в разрушении старых институтов, а потом откат к более устойчивым отношениям. Насчитывается немного великих революций (Великая французская 1789 г., Русская 1917 г., Китайская, которая началась в 1925 г. и закончилась в 1949 г.). К ним можно отнести, видимо, и Английскую революцию XVII в.

В результате совершения великих революций возникают альтернативные линии развития. Это обогащает социальную эволюцию. Но такие революционные линии развития в итоге в большей или меньшей степени проявляют себя как тупиковые. Великая революция XVII в. в Англии создала республиканскую линию развития крупной державы¹². Однако вскоре она зашла в тупик. И идея республики для Англии в результате Реставрации Стюартов в 1660 г., а затем и Славной революции 1688 г. была отброшена. То же относится и к Великой французской революции конца XVIII в., которой в итоге не удалось доказать жизнеспособность ни республиканского правления, ни полной отмены сословий. Ни одну из революций 1848–1849 гг. нельзя назвать великой, но в целом, учитывая массовость революционных действий и быстрое «перемалывание» революции из одной страны в другую, эти события носили характер великой европейской революции. Идеи социальной революции и социального общества, которые пытались реализовать во Франции в июле 1848 г., испугали не только буржуазию, но оказались явно не по душе многим слоям в европейских обществах. В результате революции этого периода потерпели поражение. Русская революция открыла направление перестройки общества на основе идей уравнительного социализма и отмены

¹² До этого республики существовали только в небольших государствах.

частной собственности. В конечном итоге, хотя далеко не сразу, эта линия развития исторического процесса также зашла в тупик.

Но с точки зрения всемирно-исторического развития влияние великих революций отнюдь не бывает бессмысленным. Напротив, по гегелевскому закону отрицания отрицания их идеи и практики широко внедряются, но это внедрение могло быть успешным только потому, что на практике удалось отказаться от крайнего радикализма. Так, после Славной революции в Англии установилась не республика, но конституционная монархия, которая и стала моделью развития европейских обществ в течение последующих двух столетий. В результате Великой французской революции в Европе и самой Франции стали вводиться конституции, крепостное право в ряде стран отменялось или было смягчено, укреплялась крестьянская собственность на землю, произошли существенные изменения в законодательстве и других сферах. Так, вследствие отрицания крайностей социальной революции 1848 г. (и Великой французской революции), но под влиянием этих идей в европейских обществах произошли значительные перемены – была открыта дорога к развитию капитализма и частично к формированию социальной политики государства, особенно в Германии. А под влиянием социалистических идей Русской революции и практики СССР в демократических обществах стали активно развиваться социальная политика и формы социального обеспечения, в итоге эти страны достигли уровня общества социального благоденствия (правда, сегодня в результате роста неравенства кое-где от него существенно отступили). В результате революции в Китае мы увидели, правда, далеко не сразу (только в последние десятилетия XX в.), новую комбинацию в экономике государственного регулирования и частного интереса, которая дала исключительные результаты в плане экономических успехов КНР.

Таким образом, великие революции могут увести в сторону и даже отбросить назад породившее их общество, но в них реализуется (правда, в очень искаженном идеологией виде) запрос исторического развития на определенные изменения, трансформации и потребности. При этом выиграть от такого развития могут соседние общества, которые под влиянием революционных событий проводят соответствующие изменения. Иными словами, это способ

реализации исторического процесса, в котором прогресс в одних обществах может реализовываться за счет провала других.

Революции как форма разрешения кризиса. Повторим, что если рассмотреть общий ряд революций, видно, что революции – это события, связанные с *определенным этапом развития общества*. В этом случае многие аспекты конкретных революций (в том числе и Русской) приобретают иные черты и получают иные оценки. Революции также можно (и необходимо) рассматривать как особого рода кризис общества, точнее как *кульминационную часть имеющегося и все более усиливающегося кризиса в обществе и разрешения этого кризиса*.

Рассмотрим это несколько подробнее. Известны подходы, которые рассматривают общество как систему (иногда – как социальный организм). Это плодотворный во многих аспектах подход. Но общество, особенно модернизирующееся, – это саморазвивающаяся система. А такая система не только может, но и обязательно испытывает время от времени кризисы. Важно заметить, что кризисы эти возникают в результате длительного роста¹³. В модернизирующихся обществах этот рост происходит во многих сферах жизни, включая и рост общественного самосознания (отсюда и высокая роль идеологий в революциях). Но он идет непропорционально – одни сферы опережают другие. С системной точки зрения тогда кризис возникает в результате нарушения пропорций в системе. С точки зрения социальных слоев и групп – это ощущение сильного дискомфорта, осознание, что дела идут совсем не так, как нужно, что есть виновные в этом (обычно правительство или конкретные деятели, усугубившие ситуацию в войне, реформе и т. п.). Это ощущение роста несправедливости, нарушения важных правил и обычаев и т. п. (на фоне роста диспропорций выше нормы); падение авторитета страны (что, кстати, также свидетельствует о росте общественного самосознания, поскольку, обратившись к истории, можно увидеть, что прежде это и не волновало народ в такой сте-

¹³ Поэтому кризисы возникают в любых обществах, испытывающих быстрый рост. Но формы кризисов могут быть разными. Так, например, быстрое экономическое и социально-культурное развитие территорий в варварских королевствах в период раннего Средневековья вело к тому, что возникал кризис децентрализации архаической монархии, а быстрый территориальный рост Римской республики привел к гражданской войне и смене в ее ходе политического режима.

пени). Конкретизация такого неправильного положения вещей в осознании общества зависит в очень значительной степени от особенностей социума, времени и личностей, конкретного момента¹⁴.

Революции как этап развития общества. Но, повторим, важно понимать, что кризис возникает как результат развития, иногда (и даже нередко) бурного развития и роста. Такой рост должен опираться на рост производительных сил и населения. А поскольку быстрый рост стал достаточно типичен только в Новое время, особенно с развитием индустрии, ясно, что он связан с модернизацией, захватывающей разные сферы общества. Отсюда и установленная связь между революцией и модернизацией (см., например: Хантингтон 2004; Хобсбаум 1999; Voix 2011; Гринин 2013; 2017a). Замедление роста способно стать источником кризиса (см. ниже). Таким образом, революции – результат перехода обществ и в целом исторического развития на другие рельсы – систематического роста экономик и изменения отношений, институтов на этой базе. **Революции, следовательно, – поиск способов обеспечить постоянное развитие обществ в условиях, когда общество еще не осознало, что постоянный рост – это не случайность, не аномалия, а необходимое условие существования современного социума. Революция – это одно из средств обеспечить в итоге простор для паттерна постоянного изменения общества, его жизни в условиях постоянного изменения.** Но это средство стало выглядеть все опас-

¹⁴ Идея о том, что революции есть результат сильных диспропорций в обществе, получила в той или иной мере развитие, особенно в рамках одного из подходов среди третьего поколения исследователей (по Дж. Голдстоуну). Эти исследователи анализировали общества как системы, чье нормальное функционирование зависит от поддержания равновесия во взаимодействии веществом, энергией и информацией между системой и окружающей ее средой, а также между подсистемами, из которых состоит данная система. Исследователи, исходящие из этого подхода, не без оснований утверждали, что любое критическое нарушение, разрушающее данное равновесие, приводит общество в состояние неравновесия (Hagopian 1974) или дисфункции (Johnson 1968), что ведет к появлению серьезного риска революционной дестабилизации. При этом в рамках данного подхода был предложен и целый ряд «кандидатов» на роль сил, приводящих социальные системы в состояния дисфункции/дестабилизации, таких как неравномерное влияние технологического роста и модернизационных процессов на потребности различных субсистем в ресурсах и на актуальное их обеспечение данными ресурсами, изменения в распределении власти между элитами различных субсистем (Jessop 1972), резкие изменения систем ценностей в результате появления новых религий или идеологий (Johnson 1968) или просто асинхронность изменения различных субсистем (Hagopian 1974).

нее. И оно первоначально возникало стихийно. Позже появились профессиональные революционеры, но и их действия были направлены на подрыв устоявшегося порядка, что было опасно. По мере развития общества, течения исторического процесса, повторим, удалось найти и иные, более эффективные (и более осознанные) способы поддержания условий для постоянного изменения: реформы, демократические институты, создание архетипа, который стимулирует людей к жизни в условиях изменений, а также сакрализацию таких институтов, как образование, наука, рынок, права человека и групп и т. п.

Если вспомнить общую логику развития исторического процесса, то на заре его становления видны поиски возможностей создать из локальных, относительно небольших обществ/политий крупные образования – сначала государства, а затем империи. Для создания устойчивых политических образований крайне необходимы были сильные и прочные институты, которые постепенно формировались. Мы наблюдаем ряд циклов централизации и децентрализации при одновременном поиске механизмов и институтов цементирования обществ. Эти институты в Европе оформились в виде легитимного и сакрализованного монархизма (где только выработка правил наследования потребовала очень долгого времени), национальных государств, сословности или других форм организации социального порядка и т. п. Таким образом, здесь исторический процесс «работал» в направлении создания прочных институтов, способствовавших устойчивости общества при любых пертурбациях, при постоянной внешней активности государств. Это могло быть постольку, поскольку производственный и технологический фундамент общества (а вместе с тем и социальный, так как крестьянство составляло основу народа) был достаточно консервативным и архаичным, не изменяющимся постоянно (да и культура была архаичной, уровень грамотности – низким). Но с изменением этого производственно-технологического базиса начался процесс, при котором данные прочные, иногда сверхпрочные крепления общества (например, императорская власть определенной династии была важнейшей скрепой для многонационального государства) постепенно становились помехой для движения общества вперед. Общества, которое теперь считало промышленность и торговлю

важнейшим средством решения финансовых и иных проблем, которое в условиях международного соперничества вынуждено было их не только терпеть, но и развивать; общества, которое должно было заботиться о средствах коммуникации, образовании и т. д. и т. п. Отсюда важнейшие и крупнейшие достижения исторического прогресса: хорошо организованное самодержавие, абсолютная монархия и крепкие, контролируемые и опекаемые государством сословия, четкая социальная иерархия, тоталитарная религия и др. – неожиданно становились преградами на пути развития (и прогресса, идея которого стала формироваться и укрепляться). При этом шла некоторая либерализация и гуманизация отношений – от абсолютной монархии к абсолютной *просвещенной* монархии. А гуманизация отношения затрудняла репрессивность, что было важно для активизации революции (см. ниже).

Таким образом, поскольку модель существования и функционирования изменилась с консервативной на динамическую, прежние институты, включая абсолютную монархию и подчиненную ей, но во многом самодостаточную аристократию (а равно и ставшую государственной церковью), стали тормозом на пути прогресса. А поскольку, как уже было сказано, это были очень прочные и мощные институты, в условиях отсутствия других инструментов влияния на них (и нужного исторического опыта) революции возникли как почти единственные способы их слома. Но революционное «лекарство» оказалось слишком сильным и опасным, поэтому в обществах, переживших революции и испытывающих страх при воспоминании о них, возникало желание провести упреждающие реформы. Таким образом, появившийся исторический опыт, развившееся чувство самосохранения элит и государства, созданные в результате революций, реформ и эволюции новые институты (в частности, местные органы самоуправления, конституционные монархии, парламенты, новое судопроизводство, система политических партий и профессиональных объединений) – все это вело к тому, что революции в ряде обществ как бы выходили из оборота средств социального развития и разрешения конфликтов, заменяясь более цивилизованными формами.

Но так происходило только в ряде наиболее развитых обществ. В других случаях они были по-прежнему актуальными. Это прежде

всего касалось тех обществ, которые дорастали до уровня, когда революции становились в них возможными, но их политическая система не изменялась в ногу со временем. В итоге эти быстро развивающиеся общества переживали революционный коллапс (как это случилось в России). Правда, в отдельных случаях, в обществах более развитых, если революции повторялись, то они могли становиться уже намного менее разрушительными. Так, революция 1870–1871 гг. во Франции в целом была менее сильной, чем в 1848 г., а ее результаты – более прочными. Иными словами, намечался *путь от великих революций к «бархатным»*. Первой такой путь проложила Англия своей Славной революцией 1688 г. Но многие революции продолжали быть отнюдь не «бархатными», а разрушительными, ведущими к гражданской войне и жестоким лишениям.

Так или иначе, многие общества, пережившие целую эпоху, связанную с революциями, затем как бы получали иммунитет к ним (по крайней мере, на длительный период). Это было связано с тем, что создавались институты, способствующие адаптации общества к ситуации, когда последние должны были жить в условиях постоянных изменений. Однако иммунитет к революциям мог ослабевать. В этом случае при складывании глубоко кризисной ситуации революции могли происходить и во вполне модернизовавшихся обществах. Наиболее яркими примерами здесь являются германская и австро-венгерская монархии, которые были разрушены революциями 1918 г.

Революции, как уже сказано, появляются на определенном этапе развития в том случае, когда на пути развития стоят жесткие преграды и институты. А таковыми могут быть не только абсолютная монархия, аристократия или крупное феодальное землевладение, но и жесткие институты эксплуатации. При этом если объект эксплуатации быстро растет количественно и качественно, как рос рабочий класс в XIX и XX вв., то понятно, что борьба пролетариата за права и гарантии могла становиться частью революционного движения и на отдельных этапах – ведущей его частью (как было в июле 1848 г. и в 1871 г. в Париже). Только принятие соответствующего законодательства и создание более гибкой системы позволили в конце концов избежать угрозы пролетарской революции. В еще большей мере сказанное относится к росту националь-

ного самосознания у народов, лишенных своей государственности при отсутствии хотя бы автономии. Национальный гнет, определенное законодательство, закрепляющее неравноправное положение народов, языков, национальных религий и т. п., – все это весьма жесткие отношения, которые обычно меняются с большим трудом (напротив, могут усиливаться целенаправленной государственной политикой). Отсюда появляются националистические революции как способ изменить ситуацию, очень характерные для XIX и XX вв. (см.: Геллнер 1991). Революции в Австрийской империи 1848–1849 и 1918–1919 гг. во многом были связаны с неудовлетворенностью состоянием национальных отношений. Даже в части Великобритании, казалось бы, давно пережившей революцию как этап, в 1919 г. разразилась революция (восстание) в Ирландии именно по причине невозможности решить вопрос об ирландском самоопределении.

Таким образом, *революция в общем виде в историческом процессе выступает как возможность насильственно изменить ситуацию в условиях возникновения противоречия: а) между ростом определенных сил (включая и рост самосознания) и б) наличием жестких институтов и отношений (опять же включая и самосознание власти и элит, охраняющих их), мешающих дальнейшему росту и самоопределению указанных сил.* Революционными конфликтами могут быть разные сферы, включая политические, национальные, религиозные (такова была первая революция модерна – Реформация), социальные и др. Даже рост (количественный и качественный) какого-либо слоя общества, например студенчества, может стать источником революционных волнений. В этих случаях даже демократические общества могут оказаться подверженными революционным волнениям.

Революции в мир-системном аспекте. Однако революции нельзя понять только с точки зрения системного подхода в плане анализа общества как в основном самодостаточной системы. Нужен и иной подход, скажем, мир-системный. На самом деле, во-первых, переход к ситуации необходимости постоянного развития не мог распространиться во многих обществах (равно как и идея необходимости модернизации), если бы не международное военно-политическое соперничество и экономическое превосходство дру-

гих стран как его неизбежное следствие. С того момента, как военные возможности стали зависеть от технологий (пороховые революции, корабельное дело, пути сообщения, инфраструктура и прочее), необходимость военно-экономической модернизации стала жесточайшей необходимостью. Финансовые потребности такой военной модернизации заставляли искать источники в развитии торговли и промышленности, росте образования и т. п. Отсюда роль внешнего фактора становилась огромной. Также заимствуются и иные достижения, включая медицинские, научные и прочие.

Во-вторых, постепенное уменьшение роли религиозного образования и религиозной идеологии и замена ее светской неизбежно вели к импорту идеологий. А это означало и импорт революционных идеологий.

В-третьих, распространение контактов и знаний привело к тому, что начиналось подражание более развитым обществам, то есть тем, кто уже пережил революцию. Революция начинает рассматриваться как неизбежное дело со знаком плюс. Возникает ситуация, когда идеология в ряде стран за счет заимствования в готовом виде опережает уровень развития общества. Возникает разрыв между идеологами, которые ориентируются на передовые страны, с одной стороны, и возможностями конкретного и не авангардного общества – с другой. В итоге это ведет к своего рода фрустрации, оценке собственного политического режима и отношений как отсталых, никуда не годных, требующих слома и т. п., как следствие пропаганды усиления напряжения и роста революционных настроений. Также имеется и интернациональная, пусть небольшая, но активная прослойка идеологов-революционеров. И по мере модернизации таких обществ влияние новых идеологий усиливается.

Иными словами, во многих случаях революции происходят в обществах, объективно еще не достигших уровня, когда революции становятся неизбежными, но поскольку за счет заимствования идеологий и практик революций в более развитых странах складываются определенные группы и органы информации, то социальные протесты и недовольства канализируются в объективно более высокую социальную форму, чем это должно было быть. Таковы, на наш взгляд, революции на Востоке в начале XX в.

Поскольку революции основываются на идеологиях, оказывается, что идеологии можно экспортировать, что они распространяются на другие общества. Отсюда возникают революционный интернационализм и революционная идеология как универсальная.

Словом, за счет мир-системного эффекта революции начинают захватывать и периферийные страны, которые еще объективно не доросли до такой формы прогресса. Ситуация примерно такая же, как в случае распространения экономических кризисов на еще очень слабую в промышленном плане экономику периферийных стран, которая самостоятельно до кризиса не дорастает.

В-четвертых, Мир-Система имеет свою структуру, которая влияет на разные страны по-разному в зависимости от их функционального положения. Проникновение новых идеологий в зависимые страны также создает в них новые ситуации.

Отметим также, что поскольку развитие во всех обществах идет постоянно, а в центре Мир-Системы оно может быть сильнее, налицо усилия отстающих от центра обществ в стремлении догнать его (но лишь немногим это удастся). Однако такая гонка создает условия для повторных революций в догоняющих странах, особенно если они не смогли создать институты, способные изменять общество мирным путем.

С другой стороны, постоянное давление со стороны центра на эти общества в требованиях демократических перемен создает сильное давление на правящую элиту и мощную поддержку тем силам, которые стремятся к изменениям насильственным путем. Отсюда **новая волна революций как результат того, что общества центра подстегивают к изменениям общества полупериферии.**

Наконец, мир-системный эффект сильно сказывается в волнах трансформации (волнах революций), когда они быстро распространяются от общества к обществу (например, в 1848–1849 гг. или последняя волна, так называемая «арабская весна») [см. подробнее: Гринин 2012].

Внешний (а в случае мировых событий, например мировых войн, и мир-системный) фактор также очень важен в плане возник-

новения революционного кризиса (в частности, путем инспирирования революционных действий)¹⁵.

И последнее, но важное замечание. При возникновении центров революционных изменений, которые считают проведение революций в других странах своим важнейшим делом, возможности осуществления и победы революций существенно возрастают. Это во многом становится результатом специальных технологий, с учетом особой подготовки революционеров и т. п. Таким центром долгое время выступал СССР, в последние десятилетия центром так называемых «цветных революций» стали США (были и есть, конечно, меньшие центры, например, инспирирования исламских революций). Кроме того, господство революционных идеологий, пропаганда их как справедливых и прогрессивных существенно ослабляют способность власти и режима противостоять революциям.

Таким образом, *мир-системный эффект расширяет поле революций в мире, захватывая общества, недозревшие или не полностью готовые к революциям, и повышает возможности их победы. В известной мере именно мир-системный эффект влияет на то, что революции все еще остаются в арсенале средств социальных изменений.*

* * *

Важным моментом, связанным со всемирно-историческим аспектом влияния крупных революций, является появление новых линий исторического развития. Появление новой линии развития — это возникновение новых возможностей, усиление конкуренции, рост одновременно и дивергенции, и конвергенции. Однако по мере того, как великие и просто крупные революции, способные изменить траекторию развития, перестают появляться, всемирно-историческая роль революций снижается.

Итак, мы видим, что роль революций в историческом процессе меняется. Из орудия, прокладывающего путь к социальному про-

¹⁵ Отметим, что третье поколение теоретиков революции (в терминологии Дж. Голдстоуна [2015]) стало уделять большое внимание влиянию на причины революции внешних факторов (особенно войн) как триггеров революционной дестабилизации. А четвертое поколение теоретиков революции стало уделять особое внимание долгосрочному влиянию внешних факторов (когда, например, военное соперничество может вынуждать государство к активному извлечению ресурсов из социальной системы). Это, кстати, случай истощения СССР.

грессу, они превратились в геополитическое средство повышения влияния тех или иных сил и режимов или навязывания определенных политических форм. Они прошли путь от социально-политических изменений, открывающих новые горизонты для исторического процесса в целом, до способов элит решать свои сиюминутные проблемы; от средств открыть путь к модернизации до переворотов, ведущих общества к стагнации и деградации. Революции не исчезнут, но их значение в плане прогресса станет еще меньше, чем сегодня.

Литература

- Геллнер Э. Нации и национализм. М. : Прогресс, 1991.
- Голдстоун Дж. Революции. Очень краткое введение. М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2015.
- Гринин Л. Е. Формации и цивилизации. Гл. 2 // Философия и общество. 1997. № 2. С. 5–89.
- Гринин Л. Е. 2012. Арабская весна и реконфигурация Мир-Системы // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков / под ред. А. В. Коротаева, Ю. В. Зинькиной, А. С. Ходунова, с. 188–223. М. : ЛИБ-РОКОМ/URSS.
- Гринин Л. Е. Государство и кризисы в процессе модернизации // Философия и общество. 2013. № 3: 29–59.
- Гринин Л. Е. Русская революция и ловушки модернизации // Полис. Политические исследования. 2017а. № 4. С. 138–155.
- Гринин Л. Е. Российская революция в свете теории модернизации // История и современность. 2017б. № 2 (в печати).
- Гринин Л. Е., Исаев Л. М., Коротаев А. В. Революции и нестабильность на Ближнем Востоке. 2-е изд., испр. и доп. М. : Моск. ред. изд-ва «Учитель», 2016.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В. Революции как особая стадия развития общества и Арабская весна. Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Арабская весна в глобальном контексте. Ежегодник / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, Л. М. Исаев, К. В. Мещерина. Волгоград : Учитель, 2016. С. 157–190.
- Нефедов С. А. Концепция демографических циклов. Екатеринбург : Изд-во УГГУ, 2007.
- Семенов Ю. И., Гобозов И. А., Гринин Л. Е. Философия истории: проблемы и перспективы. М. : КомКнига, 2007.

Сорокин П. А. Социология революции / П. А. Сорокин // Человек. Цивилизация. Общество. М. : Политиздат, 1992. С. 266–294.

Сорокин П. А. Голод и идеология общества / П. А. Сорокин // Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет. М. : Наука, 1994. С. 367–395.

Токвиль А. де. Старый порядок и революция. М. : Моск. филос. фонд, 1997.

Травин Д., Маргания О. Европейская модернизация. Кн. 1. М. : АСТ, Terra Fantastica, 2004.

Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М. : Прогресс-Традиция, 2004.

Хобсбаум Э. Век революции. Европа 1778–1848. Ростов н/Д. : Феникс, 1999.

Boix C. 2011. Democracy, Development, and the International System. *American Political Science Review*. Vol. 105. No. 4. Pp. 809–828.

Hagopian M. 1974. *The Phenomenon of Revolution*. New York : Dodd, Mead.

Jessop B. 1972. *Social Order, Reform, and Revolution*. New York : Macmillan.

Johnson Ch. 1968. *Revolutionary Change*. London : University of London Press.